УДК 338
JEL D63, P25, R13

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.19

Научная статья

Е. Г. Анимица[1]✉, К. В. Чернышев[1]

✉ animieg@usue.ru

[1]Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Ориентация на социальную справедливость — необходимый фактор развития российской экономики

Аннотация: В последние годы социально-экономический дискурс характеризуется более пристальным вниманием ученых и специалистов к проблеме социальной справедливости. Это связано, во-первых, с тем, что справедливость представляет собой базовую духовно-нравственную и социально-экономическую ценность для людей, а во-вторых, является основой для формирования механизмов социально-экономической мобилизации общества, его социальной энергии в стране или регионе. К сожалению, об этом факторе в отечественной экономической литературе упоминают нечасто, хотя в 2017 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена как раз за поведенческую экономику. Исследование посвящено рассмотрению теоретических и прикладных проблем соотношения социальной справедливости и современной экономики, значимости справедливости в российском социуме. В статье обосновываются положения о том, что идеи справедливости необходимым образом влияют на народно-хозяйственную жизнь и концепт социальной справедливости относится к числу наиболее важных факторов развития экономики России. Кроме того, научный подход к региону как социуму выдвигает на передний план глубокое комплексное исследование социальной жизни населения, в т.ч. культурные, духовные, нравственные, этические, социально-психологические и иные аспекты жизнедеятельности регионального социума. Работа имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, поэтому методологическая основа настоящей статьи — это фундаментальные научные разработки по философии, экономической социологии, региональной экономике, обосновывающие особенности становления категории «социальная справедливость» и ее значимости в общественном и региональном развитии. Методические приемы, используемые в работе, — это диалектический, логический, сравнительный и структурно-функциональный методы. В результате исследования представлен комплексный анализ междисциплинарных концепций социальной справедливости, обосновывается, что решить задачу реформирования и трансформации всех сфер общественной жизни невозможно без утверждения принципов социальной справедливости во всех социально-экономических структурах страны и ее регионов.

Ключевые слова: справедливость, социальная справедливость, общество, регион, фактор социально-экономического развития.

Дата поступления статьи: 25 марта 2022 г.

Для цитирования: Анимица Е. Г., Чернышев К. В. (2022). Ориентация на социальную справедливость – необходимый фактор развития российской экономики. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 2, с. 175–188. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.19.

Scientific article

E. G. Animitsa[1]✉, K. V. Chernyshev[1]

✉ animieg@usue.ru

[1]Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Focus on social justice as a necessary factor for the Russian economy development

Abstract: In recent years, socio-economic discourse has been characterized by a closer attention of scientists and specialists to the problem of social justice. This is due, firstly, to the fact that justice is a basic spiritual, moral and socio-economic value for people, and secondly, it is the basis for the formation of mechanisms for the socio-economic mobilization of society, its social energy in a country or region. Unfortunately, this factor is rarely mentioned in Russian economic literature, although in 2017 the Nobel Prize in Economics was awarded just for behavioral economics. The study is devoted to the consideration

© Е. Г. Анимица, К. В. Чернышев, 2022

of theoretical and applied problems of the relationship between social justice and the modern economy, the importance of justice in the Russian society. The article substantiates the position that the ideas of justice have a necessary influence on the national economic life and the concept of social justice is one of the most important factors in the development of the Russian economy. In addition, the scientific approach to the region as a society brings to the fore a deep comprehensive study of the social life of the population, including cultural, spiritual, moral, ethical, socio-psychological and other aspects of the life of the regional society. The work has a pronounced interdisciplinary character; therefore the methodological basis of this article is fundamental scientific developments in philosophy, economic sociology, regional economics, substantiating the features of the formation of the category "social justice" and its significance in social and regional development. The methodological techniques used in the work are dialectical, logical, comparative and structural-functional methods. As a result of the study, a comprehensive analysis of interdisciplinary concepts of social justice is presented, it is substantiated that it is impossible to solve the problem of reforming and transforming all spheres of public life without establishing the principles of social justice in all socio-economic structures of the country and its regions.

Keywords: justice, social justice, society, region, factor of social and economic development.

Paper submitted: March 25, 2022.

For citation: Animitsa E. G., Chernyshev K. V. (2022). Focus on social justice as a necessary factor for the Russian economy development. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 2, pp. 175–188. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.19.

Введение

Российская военная операция на Украине, введение Западом беспрецедентных антироссийских санкций (более 6 тыс. ограничений), столкновение мнений и углубление противоречий в нашем обществе, постепенный уход от увлеченности утопическими идеями западного происхождения, в частности прекращение той финансовой политики, которую нашей стране 30 лет назад рекомендовали консультанты МВФ и Всемирного банка, отказ от роли сырьевого придатка и технологической периферии, ясно дали понять, что России нужна новая, своя модель развития. Необходим новый самостоятельный путь экономического роста, исходя из логики (парадигмы) национальных интересов и суверенного цивилизационного развития России. В российской действительности веками сформировался свой культурно-цивилизационный код, из которого вытекает вся система духовно-нравственных ценностей и вырастает поведенческая модель, которая вовне проявляется преимущественно в виде справедливости.

Цель настоящей статьи — раскрыть сущностно-содержательные характеристики социальной справедливости, без которой невозможно обеспечить стабильность, устойчивость и жизнеспособность экономики страны и ее регионов.

В России справедливость — один из важнейших компонентов духовно-нравственной парадигмы — находится в системе основных ментальных приоритетов населения страны, отношение к ней выработано в ходе тысячелетней истории российского государства. На Руси, в отличие от стран Запада, справедливость считается превыше всего. Не законы, а именно справедливость. На Западе такого не бывает: как это может быть, что закон несправедлив? Это же закон! Пристальное внимание ученых к различным аспектам справедливости в последние три десятилетия свидетельствует о том, что эта проблема не только сохраняется, но и актуализируется (Вайпан, 2017). Поэтому не учитывать справедливость при анализе, обобщении и проектировании экономических процессов на разных территориальных уровнях — значит обрекать свои проекты, планы и прогнозы на провал.

Сущностно-содержательное видение справедливости

Прежде всего следует определиться, что такое справедливость.

В написанном еще в XI в. «Слове о законе и благодати» митрополит Киевский Иларион благость (благодать) называл «истинным светом Божим», ниспосланным человеку свыше, к исполнению воли Божьей (Мильков, 1986)[1]. Через идею благодати утверждается мысль о достигнутом в резуль-

[1] Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона (1997). Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Подг. т-та и коммент. А. М. Молдована, пер. диакона А. Юрченко. СПб., РАН. ИРЛИ – Наука, т. 1 (XI–XII века), с. 26–61.

тате крещения равенстве новообращенной Руси с другими христианскими народами и странами. А законы эти по существу представляют собой проекцию благодати и истины на текущую реальную жизненную основу государства. То есть изначально благодать (благодеяние, благотворение) была на Руси первой, главной национальной идеей, способной творить чудеса. Все остальное — это производное от благости. При отсутствии письменных документов «Верность Богу» ассоциировалась с твердостью и надежностью слова при устном заключении сделки (контракта).

Подобную благостную роль в российском обществе играет и *справедливость*. По нашему мнению, справедливость — это многообразные отношения и взаимодействия между людьми: моральные, правовые, социальные, материальные и иные, когда максимальное количество людей получает от этого максимальную выгоду, максимальный доступ к человеческим благам, максимальную возможность счастья. Справедливость в философском понимании — это понятие о должном, это соответствие деяния и воздания. С позиций экономической науки распределение благ должно быть, с одной стороны, равноправным, а с другой — эффективным (Варламова, Васильева, Неганова и др., 2007, с. 627).

Феномен справедливости, несмотря на особую актуальность и популярность в общественных науках, продолжает оставаться в числе наиболее трудно формулируемых, поскольку справедливость является широким понятием, под углом зрения которого рассматриваются практически все сферы общественной жизни, все области человеческой деятельности (Клементьев, 2013, с. 5). Она входит в тройку неформальных правил высшего порядка или, как говорят экономисты и юристы, «надконституционных правил». Среди них — право, правда и справедливость (Зорькин, 2008, с. 2). Если право — это юридическая норма, по которой живут люди, правда — это реальный образ настоящего и будущего, то справедливость — их интегрирует!

По мнению античного мыслителя Платона, справедливость — это сумма всех добродетелей вообще, справедливо все то, что содействует интересам государства, и в соответствии со справедливостью должны строиться право, правосудие, жизнь и деятельность каждого индивидуума и всего государства в целом (Платон, 1994, с. 578–579).

В современном философском контексте понятие «справедливость» рассматривается как *субъективная категория*, отражающая в той или иной мере реальную действительность (Бербешкина, 1983; Вахтина, 2013; Вайпан, 2017; Роговин, 1982; Спенсер, 1897).

Становится очевидным, что без выяснения фундаментальных основ формирования категории «справедливость» невозможно (немыслимо) проникнуть в реальную жизнь людей в обществе.

В отечественной экономической науке справедливость рассматривается с разных ракурсов, комплексно как нравственная и социальная категория, а также как экономическое явление. Однако изучение проблемы справедливости ведется главным образом с общетеоретических позиций. В связи с этим отметим фундаментальные работы А. Г. Аганбегяна (2020), Р. С. Гринберга (2012), Н. П. Федоренко (2006), Г. Ю. Канарша (2011).

Идея справедливости, в той иной степени полноты, присутствует во всех социально-экономических и социально-политических концепциях. В экономической литературе либерального толка понятие (категория) «справедливость» представляется незначительной, ибо она не работает и не характеризуется количественными показателями, тенденциями, которые можно измерить. Следует особо отметить, что мечта о справедливости была основной движущей силой всех крестьянских бунтов, мятежей и восстаний в России. Именно тяга к справедливости подняла народ на революцию в 1917 г. Как утверждает М. И. Веллер, философ и писатель, «дефицит справедливости оказался острее дефицита продуктов»[2].

Теоретические основы формирования духовно-нравственных принципов, в т.ч. и справедливости, применительно к экономике, были заложены А. Смитом в его известном труде «Теория нравственных чувств» (Смит, 1997). Именно А. Смит в середине XVIII в. и обосновал роль нравственности и морали в процессах экономического развития страны. А. Смит провозглашал приоритет моральных ценностей в системе общественных отношений и доказывал, что «богатство народов» создают те же люди, которые преуспевают в практической деятельности и не лишены «высоких добродетелей». А. Смит

[2] Веллер М. И. (2021). Максимальная возможность счастья. Аргументы и факты, № 35, с. 12.

на первое место среди добродетелей ставит как раз справедливость. Он пишет, что справедливость «представляет главную основу общественного устройства». И если она нарушается, то громадное здание человеческого общества «немедленно рушится и обращается в прах» (Смит, 1997, с. 101).

К работе А. Смита можно добавить классическое сочинение И. Бентама The Principles of Morals and Legislation (1789), а также работы Дж. С. Милля Utilitarianism (1863), и Г. Сиджвика (The Methods of Ethics), в которых сформулированы принципы классического утилитаризма и полезности моральной теории. Следует выделить исследование Г. Харта о естественной справедливости (Hart, 1961), Дж. Лукаса — об обстоятельствах справедливости (Lucas, 1966), Б. Берри — о процедурной справедливости (Barry, 1965; 1995), Д. Готье — о справедливости как административного решения высшего порядка (Gauthier, 1963).

Ричард Талер, известный американский экономист, Нобелевский лауреат по экономике (2017 г.), в ходе теоретических и экспериментальных изысканий, пришел к выводу о значимости справедливости при принятии экономических решений. Он выявил, какое влияние оказывает справедливость как безусловная ценность на принятие людьми экономических решений (например, повышение цен в периоды высокого спроса) (Талер, 2017).

Гарвардский профессор, философ Джон Ролз (Rawls, 1971) в своей фундаментальной монографии «Теория справедливости» доказывал, что «справедливость — это первая добродетель общественных институтов», точно так же, как истина — первая добродетель систем мысли (Ролз, 2017, с. 19). «... законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы» (Ролз, 2017, с. 19). Он предложил свой крайне простой подход к пониманию того, что такое справедливость. «Модель справедливости» должна исходить не из нравственных норм, а из набора правил общественного устройства, о которых разные люди заранее договариваются (так называемая «договорная» теория справедливости).

Понятие и содержание социальной справедливости

Развитие научной категории «социальная справедливость» тесно связано с формированием множества подходов к раскрытию ее сущностно-содержательных характеристик.

В методологическом плане при исследовании справедливости специалисты изначально подразделяют справедливость на природную и социальную, т.е. установленную людьми (Исмаилов, 2016, с. 13).

Еще Аристотель доказывал: «Справедливость может быть природная и установленная законом»; «Справедливое — это то, что находит себе место в общении людей внутри государства, справедливость и справедливый человек имеют отношение к гражданскому справедливому»; «Справедливое от природы выше справедливого по закону, однако исследуем мы гражданское справедливое, а оно существует по закону, не от природы» (Аристотель, 1983, с. 327–328).

Справедливость не рассматривает какие-либо природные явления и процессы, к которым человек не имеет никакого отношения. Мы можем использовать понятие «природная справедливость» исключительно в таком смысле: человек имеет естественное право на жизнь, свободу и собственность, а также право развивать и реализовывать свои природные задатки.

С позиций экономической науки социальная справедливость представляет собой образ существования человека в качестве основного элемента любой социально-экономической системы и предполагает относительно равномерное распределение основных социально-экономических благ в обществе (Петросян, 2007).

Член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг, интегрируя размышления великих мыслителей о социальной справедливости, начиная с работ известного английского экономиста Дж. С. Милля, впервые предложившего понятие «социальная справедливость» (Милль, 1882, с. 146), пишет: «Бросаются в глаза, во-первых, устойчивость идеи социальной справедливости во всех основных философских учениях, а во-вторых,— настойчиво устанавливаемая всюду связь справедливости с представлениями о демократии и свободе» (Гринберг, 2012, с. 219–220).

Профессор А. В. Бузгалин высказывает следующую мысль: «...реализация принципа социальной справедливости есть одна из важнейших производительных сил в экономике, где главным источ-

ником развития должен стать массовый креативный класс (учителя, врачи, ученые, инженеры, рекреаторы природы и общества)» (Бузгалин, 2013, с. 136–137).

Можно согласиться с мнением Л. Вознесенского, который считал, что « … идея Социальной Справедливости сегодня, как никогда, становится стержневой для организации, а во многом — и самоорганизации всей политической, экономической, и, если угодно, эмоциональной жизни страны» (Вознесенский, 1998, с. 41).

А. И. Татаркин и Е. Г. Анимица в своей фундаментальной работе «Формирование парадигмальной теории региональной экономики» (2012) писали о быстром расширении предмета региональной экономики за счет включения в ее состав идей, концепций и эмпирических материалов из других областей знания, в частности, проблем соблюдения социальной справедливости в региональном аспекте, обеспечения социального благополучия населения региона и т.п., что дает в итоге относительную самостоятельность региона в системе национальной экономики и государственного устройства (Татаркин, Анимица, 2012, с. 19–20).

ООН называет социальную справедливость «основополагающим принципом мирного и процветающего сосуществования внутри стран и между ними»[3]. В докладе ООН 2006 г. утверждается, что «социальная справедливость может пониматься как распределение плодов экономического роста на основе принципов справедливости и сострадания…»[4].

По сути, аналогичные трактовки социальной справедливости встречаются у многих западных авторов (Agartan, 2014; Kitching, 2001; Jackson, 2005; Fleischacker, 2004).

Следует констатировать, что социальную справедливость мы понимаем как систему ценностей, требований, правил, норм и принципов, на базе которых основано и функционирует данное общество, исходя из теоретических и обыденных представлений о справедливости.

Современная парадигма социальной справедливости предполагает «акцентирование идеи неотъемлемых прав индивида, рассматриваемого как независимый социальный атом»[5].

Понимание социальной справедливости носит ярко выраженный конкретно-исторический характер, ограничено историческими реалиями, характером того общества, в котором в данное время живут люди (Канарш, 2011). Отдельные периоды в истории России характеризовались не просто попыткой смягчить социальное неравенство, но и желанием даже добиться полного равенства (Заборова, 2010, с. 50). Как нам представляется, экономическое содержание справедливости означает в первую очередь эквивалентность обмена, честное перераспределение богатства и доходов.

Социальная справедливость в условиях реальной рыночной экономики — это уважительное отношение к частной собственности других членов общества, уважение к честному труду, что создает необходимые условия для каждого человека воспользоваться в полной мере плодами своего труда. При социально-экономическом рассмотрении социальная справедливость проявляется в качестве *фактора* устойчивого развития экономических процессов на общегосударственном, региональном и местном (муниципальном) уровнях. Как раз на местном уровне человек воспринимает социальную справедливость как определенный экономический и социальный ориентир для деятельностной активности человека. Поэтому в муниципальных образованиях и регионах необходимо активизировать все факторы экономического роста, включая и такой фактор, как социальная справедливость.

Виды социальной справедливости

В методологическом плане в своей работе мы используем два вида социальной справедливости: дистрибутивную и коммутативную. Как выяснилось в ходе исследования, *дистрибутивная (распределительная) справедливость* связывается с наделением одинаковыми жизненными благами и доходами, а также вознаграждениями, почестями, различными преимуществами, людей с одинаковыми заслугами. Известный английский философ Т. Гоббс считал, что «было бы несправедливостью продавать дороже, чем мы покупаем, или давать человеку больше, чем

[3] World Day of Social Justice, 20 February.
[4] Social justice in an open world: the role of the united nations, the international forum for social development, departament of economic and social affairs, division for social policy and development. New York, United Nations, 2006.
[5] Прокофьев А. В. (2001–2003). Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия. Грант РГНФ, проект № 01-03-810-01 а

он заслуживает» (Гоббс, 1936, с. 132). Т. Гоббс под дистрибутивной справедливостью понимал «распределение наказаний и компенсаций, возникающее в результате нарушения правил справедливости “коммутативной”».

Сущность категории «социальная справедливость» до настоящего времени во многом основывается на идеях Г. Спенсера, который предложил эволюционный подход к его исследованию и доказал, что любая форма справедливости отражает процесс воссоздания социальному индивиду по заслугам (Спенсер, 1897).

Г. Шмоллер, известный немецкий экономист, писал: «Специальное понятие справедливости <…> есть понятие о распределяющей справедливости» (Шмоллер, 2012, с. 9). Г. Шмоллер задался вопросом: «при каких обстоятельствах и отношениях распределение доходов и имущества признается справедливым или несправедливым?» (там же, с. 26). Прежде всего, по его мысли, необходимо активное вмешательство государства в экономическую жизнь: «справедливости можно требовать только там, где государство имеет возможность вмешательства» (там же, с. 28). Он утверждает, что всегда выше ценится «тот труд, для которого требуется больше образования и таланта», а также учитываются «заслуги» людей (там же, с. 38).

А. Смит находил свой идеал справедливости в экономике исключительно «в свободе договоров».

Распределять жизненные блага между людьми в обществе следует в соответствии с определенными критериями, в частности по заслугам человека, по его достоинствам, т.е. по формуле «каждому — по заслугам». При реализации на практике формулы дистрибутивной справедливости необходимо существование посредника (арбитра, начальника, юридического лица), который был бы уполномочен следить за распределением благ в соответствии с достигнутой ранее договоренностью.

Как показывает опыт многих европейских государств (Норвегия, Швеция, Германия, Швейцария), распределительный вид справедливости достигается здесь при высоком уровне развития производительных сил, насыщенности внутренних рынков товарами и услугами, причем государство осуществляет постоянный контроль за реализацией распределительной справедливости. На данном этапе развития российское государство не может справиться в полной мере с обеспечением распределительных функций справедливости. Нобелевский лауреат по экономике Ф. Хайек говорит о неприемлемости идей «дистрибутивной справедливости» в рыночной экономике, «ибо не может быть никакой дистрибутивной справедливости там, где никто не распределяет. Справедливость имеет смысл только как норма человеческого поведения» (Хайек, 1999, с. 92).

Второй вид социальной справедливости — это *коммутативный* (меновый, направительный, уравнивающий изменения в сторону выравнивания) — наиболее широко распространен в сфере обмена. Как показывает анализ, этот вид социальной справедливости имеет глубокие исторические корни. Так, согласно Аристотелю, только тот обмен может считаться справедливым, при котором принимаются во внимание *соотношения* обмениваемых благ. Аристотель в «Никомаховой этике» отмечает: «Общественные взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть врач и земледелец и вообще разные и неравные (стороны), а их-то и нужно приравнять. Поэтому все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо» (Аристотель, 1984, с. 155–156).

Английский философ Т. Гоббс, изучавший аристотелевскую философию, в своем известном трактате «Левиафан» поставил под сомнение установку Аристотеля на признание справедливым только пропорционального обмена. Он писал: «Цена вещей, являющихся объектом договора, измеряется желанием договаривающихся сторон, и справедливой ценой поэтому является та, которую они согласны дать» (Гоббс, 1936, с. 132).

Тем самым, по формуле коммутативной справедливости «равным — за равное» обмен может быть однозначно определен как справедливый только в том случае, если достигается согласие сторон по всем пунктам осуществляемой сделки.

Конкретные общества отдают предпочтения тому или иному виду справедливости, но в каждом из них представлены в той или иной меры полноты оба этих вида. В системе социально-экономических процессов одним из наиболее важных остается выявление значимости социальной справедливости в экономических отношениях, в поведении людей в экономической сфере (Петросян, 2007).

В частности, если рассматривать социальную справедливость через «призму теории экономики благосостояния», то справедливым можно будет считать распределение, которое соответствует двум условиям: с одной стороны, оно должно «являться равноправным», а с другой — «оно должно быть эффективным, по Парето» (Варламова, Васильева и др., 2007, с. 627).

Перекосы в распределении благ в пользу узкого слоя людей в ущерб основной массе работающего населения сильно сужает платежеспособный спрос, заметно сдерживает рост производства в стране и ее регионах. Кроме того, справедливое вознаграждение человека в зависимости от трудовых и иных его заслуг обосновывает тот или иной статус (материальный или социальный) индивидуума в общественном мнении.

Хотя справедливое вознаграждение зависит от конкретных условий развития страны или региона, от эффективности развития национальной или региональной экономики, оно в конечном итоге должно с экономических позиций обеспечить воспроизводство и совершенствование рабочей силы. Имущественные различия между людьми и регионами должны иметь допустимые пределы в обществе. Чрезмерная поляризация доходов между богатыми и бедными является вызовом чувству социальной справедливости и чревата конфликтами.

Оба вида социальной справедливости взаимосвязаны и не могут быть разорваны в реальной экономике.

Проблемы неравенства

Проблема социального неравенства довольно глубоко исследована отечественными учеными и экспертами (Бердяев, 2012; Викторов, 2014; Полякова, 2014; Шкаратан, 2012). Но тем не менее в современной России она остается весьма острой проблемой. Лауреат Нобелевской премии мира М. Юнус с горечью отмечает, что «рост неравенства, вызванного концентрацией богатства в руках меньшинства» был и остается актуальным вопросом в глобальной политике (Юнус, 2019).

Следует особо отметить, что феномен социального неравенства человека определяется в трех довольно устойчивых формах: 1) неравенство условий жизни различных слоев населения; 2) неравенство возможностей при достижении жизненных целей; 3) неравенство результатов своей жизнедеятельности (Гладышева, Стоянов, 2016; Ильин, 1992).

В настоящее время далека от справедливости имущественная ситуация. По данным Росстата, в 2020 г. в России числилось 17,8 млн чел. с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (или 12,2% от общей численности населения). Более 33% малоимущих хозяйств — это семьи с двумя детьми (2019 г.). По данным Росстата, в 2020 г. дифференциация доходов (отношение среднего дохода самых богатых 10% населения к среднему доходу самых бедных 10% населения) составила 15,3 раза, а по результатам выборочного наблюдения доходов населения — 19,9 раза. Максимальная дифференциация доходов, по данным Росстата, пришлась на 2007 г. и составила 16,7 раза. Следует отметить, что в России самый высокий порог бедности среди стран БРИКС. По официальным данным, у нас нет людей, живущих на 80 руб. в день. В Индии ниже этого порога живет почти треть населения, в Бразилии — 13%, а в ЮАР — 10,7%. Можно напомнить, что в 2018 г. президент В. В. Путин поручил правительству снизить к 2024 г. число бедных до 6%. А в 2020 г. сроки были сдвинуты сразу на 6 лет — до 2030 г. Следует подчеркнуть, что на долю 10% самых обеспеченных граждан приходится 82% богатства страны. Для сравнения: американские богачи владеют 35% активов, японские — около 17%. В среднем по миру показатель составляет 44%. Швейцарский финансовый конгломерат Credit Suisse занес Россию в первую пятерку стран, чье население беднеет наиболее масштабно и быстро. Данную ситуацию никто из россиян не может воспринимать как справедливую.

А. Смит в свое время писал: «Великие народы никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти» (Смит, 1993, с. 482).

Богатство и справедливость в России — понятия-антагонисты.

Отличительной чертой российского национального менталитета было отсутствие культа богатства, принцип «греховности» капитала. Обилие поговорок: «Деньгами души не выкупишь»,

«Богатому деньги черти куют», отражают вполне определенное отношение народа к богатству. Пренебрежительно говорили «процентщики» о лицах, занимавшихся выдачей кредитов, даже под низкие проценты.

Сущность богатства и стремление к богатству в национальной традиции было заложено в XVIII в. в знаменитой их трактовке, сформулированной самобытным русским мыслителем И. Т. Посошковым: «Богатство — это еще не те деньги, лежащие в царской казне, а это богатство всего народа, измеряемое “домовыми внутренними своими богатствами”». Он советовал печься о «снискании правды», об ее утверждении и «твердом вкоренении», что в итоге позволит российскому государству обогатиться и возвыситься» (Посошков, 2003, с. 21–22).

Соборное уложение 1649 г., представляющее собой свод законов Русского государства, принятый Земским собором в 1648–49 гг. и действующий вплоть до первой половины XIX в., осуждало выдачу денег под проценты как богопротивное дело[6].

Этические нормы православия смягчали стяжательство, облагораживали социальный облик предпринимателя. С другой стороны, эти нормы православия отрицательно сказывались на функционировании и развитии производительного капитала, результатом чего стало более позднее возникновение и развитие банковской системы в России.

В «Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании», принятом на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного русского народного собора 4 февраля 2004 г., постулируется: «Культ богатства и нравственности в человеке несовместимы. Отношение к богатству как к кумиру неизбежно разрушает экономическую и правовую культуру, порождает несправедливость распределения плодов труда, социальную “войну всех против всех”»[7].

А какова ситуация в нынешней России с богатством, в смысле обладания человеком финансовыми и материальными ценностями, превышающими его жизненные потребности?

Совокупное состояние 200 богатейших бизнесменов-граждан России (с годовым доходом свыше 550 млрд долл.), по данным российской версии журнала Forbes, в 2021 г. составило 663 млрд долл., а их совокупное состояние выросло за коронавирусный год на 207 млрд долл.— это рекорд в истории рейтинга[8]. В рейтинг 2021 г. впервые вошли 13 предпринимателей (традиционно в рейтинг не включаются госслужащие)[9]. Среди этих новичков нет ни одного представителя сырьевой экономики, а поразительные результаты продемонстрировал сектор интернет-компаний. 122 миллиардера (2021 г.) сконцентрировали половину всего богатства страны.

Согласно анализу, проведенному экспертами Высшей школы экономики совместно с Институтом исследований и экспертизы ВЭБ, в руках 3% самого обеспеченного населения России в 2020 г. находились 89% всех финансовых активов, 92% всех срочных вкладов и 89% всех наличных сбережений. По меркам справедливости показатели просто дикие!

Основа богатства большинства миллиардеров — «лихие 90-е», в первую очередь залоговые аукционы, когда жемчужины советской государственной собственности перешли за гроши в частные руки.

В этих процессах принцип справедливости никак не просматривается. Хотя и ряд экспертов предлагают пересмотреть итоги приватизации, чтобы соблюсти справедливость, но делать это уже поздно, к тому же деприватизация породит лишь волну ненужных конфликтов.

Олигархи держат за рубежом свои капиталы, заработанные в России, и являются в итоге налоговыми резидентами других стран. Справедливо ли это?

Нобелевский лауреат по экономике В. В. Леонтьев в одном из своих интервью говорил, что российские «миллиардеры не имеют ничего общего со столпами западного бизнеса. Их не приняли бы в руководство ни одной крупной американской корпорации» (Леонтьев, 1998).

[6] Соборное уложение 1649 года (Уложение царя Алексея Михайловича) (1987). Ред. коллегия: В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков (рук. авт. колл.), В. М. Панеях. Л., Наука, Ленингр. отделение, 448 с.

[7] Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании (2004) Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование, № 4, с. 8–12.

[8] 200 богатейших российских бизнесменов (2021). Рейтинг Forbes. Forbes Россия, 22 апреля 2021. URL: https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshin-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes).

[9] Ляликова А. В новом свете: кто впервые вошел в рейтинг Forbes богатейших бизнесменов. Forbes Россия, 22 апреля 2021. URL: https://www.forbes.ru/rating-photogallery/426925-v-novom-svete-kto-vpervye-voshel-v-reyting-forbes-bogateyshih-biznesmenov

25 февраля 2022 года Совет ЕС опубликовал постановление № 328, которое затрагивает интересы многих богатых россиян. В частности, банки Европы заблокировали все деньги миллиардеров, лежащие на счетах в немецких и австрийских банках. Франция объявила, что намерена конфисковать имущество олигархов, попавших в санкционный список. В настоящее время в средствах массовой информации постоянно появляются сообщения об арестах той или иной собственности наших богачей.

Мировой опыт показывает, что прогрессивная шкала налогообложения — лучший способ привести неравенство хоть в какие-то рамки. В развитых странах налог на сверхбогатых людей достигает 50–60%. Таким образом ограничивается потребление роскоши. В России первый шаг уже сделан. С 2021 г. россияне, зарабатывающие более 5 млн руб. в год, будут платить не 13%, а 15%. Шаг маленький, но в правильном направлении.

В России новой социальной проблемой становится *бедность*, когда индивид или социальная группа не могут удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности и продолжения рода (Горшков, Тихонова, 2014; Вавилина, 2000). Как утверждает профессор Н. Е. Тихонова, в России «как никогда велика бедность работающих граждан». Ситуация с бедностью в России обусловлена не только общей экономической ситуацией, в т.ч. и в связи с пандемией и военной операцией на Украине, но и низким уровнем заработной платы вообще.

Как показывает анализ соответствующих данных из статистических сборников и справочников, уровень оплаты труда в России далек от принятого в развитых странах. По данным Росстата, в 2021 г. среднемесячная начисленная (номинальная) зарплата в стране составила 56 545 руб. в месяц, в т.ч. в Москве — 111 092 руб., в Сахалинской области — 108 427 руб., а в Ивановской области — 32 179 руб., Ингушетии — 31 297 руб., в Республике Крым — 38 221 руб., в Севастополе — 39 922 руб. В 2021 г. реальные денежные доходы населения по сравнению с 2020 г. уменьшились в 25 субъектах РФ, причем 7 из них — это субъекты, размещенные в Северо-Западном федеральном округе. Для сравнения: в Дании средняя зарплата определялась величиной в 362 тыс. руб. (самая высокая в Европе), в Норвегии — 313 тыс. руб., в Германии — 193 тыс. руб., во Франции — 189 тыс. руб., в Чехии — 78 тыс. руб., в Польше — 67 тыс. руб., в Португалии — 60 тыс. руб. (2017 г.) Средняя зарплата, которую фиксирует статистика, — это не те деньги, которые получает большинство населения России. Большинство работающих зарабатывает ниже среднего уровня.

По данным Росстата, в России 73% работников получают зарплату ниже 45 тыс. руб. в месяц, в т.ч. 53% — ниже 35 тыс. руб. И только 2% — это те, кто получает более 100 тыс. руб. в месяц.

В соответствии с законом «О прожиточном минимуме в РФ» на 2022 г., прожиточный минимум на душу населения составил в среднем по стране 12 654 руб., в т.ч. для трудоспособного населения — 13 793 руб., для пенсионеров — 10 882 руб. и для детей — 12 274 руб. Существенной остается и территориальная дифференциация. Так, величина прожиточного минимума в Москве определялась величиной 18 714 руб., в т.ч. для трудоспособного населения — 21 371 руб., а в Чукотском АО — 28 851 руб. и в Камчатском крае — 22 930 руб. В 9 субъектах РФ величина прожиточного минимума находится в пределах 10 тыс. руб. (в частности, это республики Адыгея, Мордовия, Чувашия, а также Липецкая, Волгоградская, Пензенская и другие области). Именно такие невысокие доходы большинства населения тормозят развитие многих отраслей экономики и не позволяют развиваться малому бизнесу.

В основном бедность концентрируется в селах и малых городах. Бедные превращаются в особую касту, как подчеркивает Н. Е. Тихонова: «У них другой круг общения, иной образ жизни, и к ним изменилось отношение общества». В худшую сторону. Бедность все чаще ассоциируется с пьянством, наркоманией, другим асоциальным поведением. Важная особенность бедности в России — то, что она все чаще приобретает хронический характер.

26 ноября 2021 года правительство РФ утвердило новый термин — «граница бедности», которая отделяет бедных граждан страны от всех остальных. Раньше порогом служил прожиточный минимум, который сильно зависел от продовольственной корзины. С конца ноября 2021 г. для расчета границы бедности берется не продовольственная корзина, а 42% от медианного дохода

населения (против 60% в европейских странах). Это — серединная величина, относительно которой у половины населения страны доходы выше, а у половины — ниже. В итоге граница бедности зависит сейчас не от стоимости потребительской корзины, натуральным составом которой можно манипулировать, а от единственного параметра — от доходов населения, точнее от медианного дохода. Между тем для назначения выплат и пособий по-прежнему будет использоваться уровень прожиточного минимума, а не «граница бедности»: если доходы граждан окажутся ниже прожиточного минимума, они получат госпомощь. Банк России предполагает создать особый финансовый инструмент — социальный вклад для бедных граждан. Доступ к вкладу планируется предоставить неимущим, т.е. тем, кто получает социальную помощь от государства.

В 2020 г. 75% социальных выплат в России выделялось безадресно, без учета доходов населения. Нужно бороться с неравенством с помощью не только единовременных выплат, но и действенной, остро направленной политики.

Тогда помощь достается в первую очередь тем, кому она нужна, и на каждого одного бедного придется выплат во много раз больше, чем сейчас.

Нарастает напряжение в обществе в связи с сохраняющимся огромным неравенством *между регионами*. Это так называемое пространственное экономическое неравенство. Мы имеем группы регионов с разными физическими, образовательными и имущественными характеристиками, а также с не одинаковыми традициями.

По нашим подсчетам, если в конце 1990-х гг. разрыв по объемам ВРП на душу населения между разными субъектами РФ составил почти 19 раз, в 2000 г.— 27 раз, то в 2005 г.— уже 43 раза, а в 2019 г. беднейший регион РФ — Республика Ингушетия — отличался по объему ВРП от Ненецкого автономного округа почти в 52 раза.

Академик А. Г. Гранберг еще в начале 2000-х гг. писал о процессах увеличения разрыва между наиболее и наименее развитыми регионами — субъектами РФ. Он доказывал, что по степени межрегиональной социально-экономической дифференциации Россия занимает первое место в мире, а различия между российскими регионами превышают различия между самыми богатыми и самыми бедными странами мира (Гранберг, 2004, с. 58).

И в настоящее время продолжается разрыв по субъектам РФ в доходах населения, уровне безработицы, обеспеченности жильем и по иным базовым социально-экономическим показателям. Так, по уровню бедности разброс в пространственном аспекте остается огромным. Если в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане за чертой бедности живет менее 10%, то в Тыве, Калмыкии, Ингушетии доля бедных доходит до 40% населения. У этого дисбаланса десятки причин, включая природно-географические, исторические, религиозные, этнонациональные особенности, со своими способами хозяйствования, этическими установками организации социальной жизни. В тучные времена государство стремилось сглаживать межрегиональное неравенство с помощью финансовой поддержки по следующему принципу: чем беднее регион, тем больше он получал из центра различных дотаций, субсидий и субвенций. Но в 2015–2020 гг. объем вливаний из центра в экономику регионов сократился в реальном выражении до 20%. В результате на территории субъектов РФ уменьшились расходы на образование, на социальную защиту, на инфраструктуру.

2021-й год стал для многих регионов временем испытаний, потрясений, заметных потерь и одновременно годом продолжения реализации крупных проектов, укрепления ослабленных ковидом и спецоперацией на Украине бюджетов. Инвестиционная политика в подавляющем большинстве регионов реализуется по принципу «курочка по зернышку клюет», т.е. осуществляется множество малых и средних проектов всевозможной направленности.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие наиболее важные выводы.

Во-первых, усиливается необходимость рассматривать и проектировать социально-экономическое развитие России и ее регионов в контексте духовно-нравственной парадигмы и ее главной состав-

ляющей — социальной справедливости. Мы присоединяемся к мнению профессора А. П. Ветошкина, который подчеркивал: «1150-летний опыт России убеждает в необходимости хранить верность духовному наследию, своему предназначению, духовно-нравственному идеалу, запечатленному в нашей вере и культуре, образовании и воспитании, философии и науке, укорененному в традициях, самом хозяйственном и социальном складе жизни народа» (Ветошкин, 2012, с. 224).

Как подчеркивает известный политический обозреватель Валерий Выжутович: «Запрос на уважение и запрос на справедливость стали самыми актуальными запросами российского общества. Дефицит того и другого воспринимается им даже острее, чем зарплатное неравенство»[10].

Во-вторых, бедные регионы не только постоянно «беднеют», но и просто остаются в состоянии «застойной бедности». Подобная социально-экономическая ситуация становится основным источником противоречий и напряжений между федеральным центром и периферией, порождает конфликты на этнической основе. Весь «букет» общероссийских социально-экономических проблем существенно обогащается региональными и местными экономическими, социальными, этнонациональными и иными проблемами. Поэтому неслучайными представляются низкие оценки перспектив улучшения качества жизни в регионах у местных жителей и экспертов.

В-третьих, соблюдение и поддержание социальной справедливости в пространственном аспекте должно быть предметом специальной региональной экономической политики государства.

[10] Выжутович В. В. (2022). Знают себе цену. Российская газета, № 37. URL: https://rg.profkiosk.ru/955399?ysclid=l472mi22wu465153979

Источники

Аганбегян А. Г. (2020). О приоритетах социальной политики. М., Дело, 512 с.
Аристотель (1983). Сочинения. В 4-х т. Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М., Мысль, т. 4, 830 с.
Бербешкина З. А. (1983). Справедливость как социально-философская категория. М., Мысль, 208 с.
Бердяев Н. А. (2012). Философия неравенства. М., Институт русской цивилизации, 624 с.
Бузгалин А. В. (2013). Справедливость как предпосылка свободы и эффективности: обновление социального проекта возможно? Социологические исследования, № 3 (347), с. 135–145.
Вавилина Н. Д. (2000). Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск, СибАГС, 510 с.
Вайпан В. А. (2017). Теория справедливости: право и экономика: монография. М., Юстицинформ, 280 с.
Варламова Т. П., Васильева Н. А., Неганова Л. М. [и др.] (2007). Большая экономическая энциклопедия. Отв. ред. Н.В. Дубенюк. М., Эксмо, 815 с.
Вахтина М. А. (2013). Институциональные основания справедливой рыночной экономики. Самара, Самарский научный центр РАН, 264 с.
Ветошкин А.П. (2012). Сквозные линии и связующие скрепы исторической поступи России. Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. Тематический выпуск № 9–10. Материалы VIII Международных Ильинских чтений «Духовно-нравственный путь развития России (14–15 июня 2012 г.)». Екатеринбург, Изд-во Уральского института бизнеса.
Викторов А. Ш. (2014). Социальное неравенство: философская и социологическая рефлексия. Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология, № 2, с. 170–186.
Вознесенский Л. (1998). Страну объединит только социальная справедливость, Век, № 40, с. 41
Гладышева А. С., Стоянов И. А. (2016). Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России. Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия, № 2, с. 273–279.
Гоббс Т. (1936). Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Предисл. и ред. А. Ческиса. М., Гос. социально-экономическое издательство, 502 с.
Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (ред.) (2014). Бедность и бедные в современной России. М., Весь мир, 304 с.
Гранберг А. Г. (2004). Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя. Регион: экономика и социология, № 1, с. 57–81.
Гринберг Р. С. (2012). Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., Магистр, ИНФРА-М, 416 с.
Заборова Е. Н. (2010). Социокультурные приоритеты социальной политики. Управленец, № 1-2 (5-6), С. 48–53.
Зорькин В. Д. (2007). Верховенство права и встреча цивилизаций. Журнал конституционного правосудия, № 1, с. 1–10.
Ильин И. А. (1992). В поисках справедливости. В кн. Ильин И. И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. В 2-х т. М., Рарог, т. 1, с. 185–189.
Исмаилов Н. О. (2016). Справедливость: концептуальные основы и актуальные проблемы. Монография. М., Науч.-исслед. институт истории, экономики и права, 210 с.
Канарш Г. Ю. (2011). Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. Монография. М., Издательство Московского гуманитарного университета, 236 с.
Клементьев Д. С. (2013). Исторические метаморфозы справедливости в процессах социального управления. Государственное управление в XXI веке: повестка дня российской власти: материалы 10-ой Международной научной конференции факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова (29–31 мая 2012 г.). В 3 ч. М., ч. 3, с. 5–14.

Леонтьев В. В. (1998). Пора менять крупных воров на мелких лавочников. Комсомольская правда, № 226, 2 декабря, с. 69
Милль Дж. С. (1882). Утилитарианизм. О свободе. Пер. с англ. А. Н. Неведомского. СПб., Тип. А. М. Котомина, 387 с.
Мильков В. В. (1986). Иларион и древнерусская мысль. В кн.: Идейно-философское наследие Илариона Киевского. В 2 ч. Отв. ред. А. А. Баженова. М., ИФ РАН, ч. 2, с. 8–40.
Петросян Д. С. (2007). Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты. Вопросы экономики, № 2, с. 59–67.
Платон (1994). Собрание сочинений. В 4-х т. Пер. с древнегреч. Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., Мысль, т. 4, 830 с.
Полякова Н. Л. (2014). Теории социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики. Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология, № 4, с. 19–43.
Посошков И. Т. (2003). Книга о скудости и богатстве. М., Наука, 253 с.
Роговин В. З. (1982) Справедливость как социально-философская и социально-экономическая категория. В кн.: Социальная справедливость и пути ее реализации в социальной политике. М., с. 8–94.
Ролз Дж. (2017). Теория справедливости. Пер. с англ.; научн. ред. и предисл. В. В. Целищева. Изд. 3-е. М., УРСС: ЛЕНАНД, 536 с.
Смит А. (1993). Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I-III). Пер. с англ., вв. ст. и коммент. Е. М. Майбурда. М., Наука, 572 с.
Смит А. (1997). Теория нравственных чувств. М.: Республика. 351 с.
Спенсер Г. (1897). Справедливость. Пер. с англ. под ред. М. Филиппова. СПб., Типография А. А. Пороховщикова, 242 с.
Талер Р. (2017). Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. Пер. с англ. А. Е. Прохоровой. М., Эксмо, 368 с.
Татаркин А. И., Анимица Е. Г. (2012). Формирование парадигмальной теории региональной экономики. Экономика региона, № 3, с. 11–21.
Федоренко Н.П. (2006). Гуманистическая экономика. М., Экономика, 188 с.
Хайек Ф. А. (1999). Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб., Пневма, 288 с.
Шкаратан О.И. (2012). Социология неравенства. Теория и реальность. М., Изд. дом НИУ ВШЭ, 526 с.
Шмоллер Г. (2012). Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. Пер. с нем. Изд. 2-е. М., Либроком, 224 с.
Юнус М. (2019). Мир трех нулей. Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды. Пер. с англ. М., Альпина Паблишер, 275 с.
Agartan K. (2014). Globalization and the question of social justice. Sociology Compass, vol. 8, no. 6, pp. 903–915.
Barry B. (1995). Justice as impartiality. Oxford, 315 p.
Barry B. (1965). Political argument. Routledge and Kegan Paul Publ., London, 364 p.
Fleischacker S. (2004). A short history of distributive justice. Harvard University Press, Cambridge, 190 p.
Gauthier D. P. (1963). Practical reasoning. Clarendon Press, Oxford.
Hart H. L. A. (1961). The concept of law. Clarendon Press, Oxford, 315 p.
Jackson B. (2005). The conceptual history of social justice. Political Studies Review. vol. 3, pp. 356–373.
Kitching G. N. (2001). Seeking social justice through globalization: escaping a nationalist perspective. University park, Pa, Pennsylvania State University Press, 339 p.
Lucas J.R. (1966). The principles of politics. Oxford. The Clarendon Press. pp. 1–10.
Rawls J. (1971). A theory of justice. Belknap Press, 560 p.

References

Aganbegyan A. G. (2020) O prioritetakh sotsial'noy politiki [On the priorities of social policy]. Delo Publ., Moscow, 512 p. (In Russian).
Aristotle (1983). Sochineniya [Works]. In 4 vols. Yrans. from ancient Greek; total ed. by A. I. Dovatura. Mysl', Moscow, vol. 4, 830 p. (In Russian).
Berbeshkina Z. A. (1983) Spravedlivost' kak sotsial'no-filosofskaya kategoriya [Justice as a socio-philosophical category]. Mysl', Moscow, 208 p. (In Russian).
Berdyaev N. A. (2012) Filosofiya neravenstva [Philosophy of inequality]. Institut russkoy tsivilizatsii Publ., Moscow, 624 p. (In Russian).
Buzgalin A. V. (2013). Spravedlivost' kak predposylka svobody i effektivnosti: obnovleniye sotsial'nogo proyekta vozmozhno? [Justice as a prerequisite for freedom and efficiency: is it possible to update the social project?] Sociological Studies, no. 3 (347), pp. 135–145 (In Russian).
Vavilina N. D. (2000) Bednost' v Rossii kak sotsial'noye yavleniye i sotsial'naya problema [Poverty in Russia as a social phenomenon and a social problem]. Siberian Academy of Civil Service Publ., Novosibirsk, 510 p. (In Russian).
Vaipan V. A. (2017) Teoriya spravedlivosti: pravo i ekonomika [Theory of justice: law and economics]. Monograph. Yustitsinform Publ., Moscow, 280 p. (In Russian).
Varlamova T. P., Vasilyeva N. A., Neganova L. M. et al. (2007) Bol'shaya ekonomicheskaya entsiklopediya [Great economic encyclopedia]. Rep. ed. by N. V. Dubeniuk. Eksmo Publ., Moscow, 815 p. (In Russian).
Vakhtina M. A. (2013). Institutsional'nyye osnovaniya spravedlivoy rynochnoy ekonomiki [Institutional foundations of a fair market economy]. Samara Scientific Center of the RAS Publ., Samara, 264 p. (In Russian).
Vetoshkin A.P. (2012) Skvoznyye linii i svyazuyushchiye skrepy istoricheskoy postupi Rossii [Cross-cutting lines and binding bonds of Russia's historical tread]. Russkiy ekonomicheskiy vestnik: nauchno-publitsisticheskiy zhurnal. Tematicheskiy vypusk № 9–10. Materialy VIII Mezhdunarodnykh Il'inskikh chteniy "Dukhovno-nravstvennyy put' razvitiya Rossii (14–15 iyunya 2012 g.)" [Russian economic bulletin. Thematic issue no. 9–10. Materials of the VIII International Ilyinsky Readings "The Spiritual and Moral Path of Russia's Development (June 14–15, 2012)"]. Ekaterinburg, Ural Institute of Business Publ. (In Russian).
Viktorov A. Sh. (2014) Sotsial'noye neravenstvo: filosofskaya i sotsiologicheskaya refleksiya [Social inequality: philosophical and sociological reflection]. Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, no. 2, pp. 170–186 (In Russian).

Voznesensky L. (1998) Stranu ob''yedinit tol'ko sotsial'naya spravedlivost' [The country will be united only by social justice]. Vek – Century, no. 40, p. 41 (In Russian).
Gladysheva A. S., Stoyanov I. A. (2016) Sotsial'naya spravedlivost' i sotsial'noye neravenstvo v usloviyakh sovremennoy Rossii. [Social Justice and Social Inequality in the Conditions of Modern Russia]. Politika, ekonomika i sotsial'naya sfera: problemy vzaimodeystviya – Politics, Economics and Social Sphere: Problems of Interaction, no. 2, pp. 273–279 (In Russian).
Hobbes T. (1936) Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan: Or The Matter, Forme, & Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civill (Rethinking the Western Tradition)]. Trans. from English. Foreword and ed. by A. Cheskis. Gos. sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo Publ., Moscow, 502 p. (In Russian).
Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (ed.) (2014) Bednost' i bednyye v sovremennoy Rossii [Poverty and the poor in modern Russia]. Ves' mir Publ., Moscow, 304 p. (In Russian).
Granberg A. G. (2004) Regional'naya ekonomika i regional'naya nauka v Rossii: desyat' let spustya [Regional economy and regional science in Russia: ten years later]. Region: Economics and Sociology, no. 1, pp. 57–81 (In Russian).
Grinberg R. S. (2012). Svoboda i spravedlivost'. Rossiyskiye soblazny lozhnogo vybora. [Freedom and justice. Russian temptations of a false choice]. Magistr, INFRA-M Publ., Moscow, 416 p. (In Russian).
Zaborova E. N. (2010) Sotsiokul'turnyye prioritety sotsial'noy politiki [Sociocultural priorities of social policy]. The Manager, no. 1–2 (5–6), pp. 48–53 (In Russian).
Zorkin V. D. (2007) Verkhovenstvo prava i vstrecha tsivilizatsiy [The rule of law and the meeting of civilizations]. Journal of Constitutional Justice, no. 1, pp. 1–10 (In Russian).
Ilyin I. A. (1992) V poiskakh spravedlivosti. Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushcheye Rossii [In search of justice. In: Our tasks. The historical fate and future of Russia]. In 2 vols. Rarog Publ., Moscow, vol. 1, pp. 185–189 (In Russian).
Ismailov N. O. (2016) Spravedlivost': kontseptual'nyye osnovy i aktual'nyye problemy [Justice: conceptual foundations and current problems]. Monograph. Science and Research Institute of History, Economics and Law Publ., Moscow, 210 p. (In Russian).
Kanarsh G. Yu. (2011) Sotsial'naya spravedlivost': filosofskiye kontseptsii i rossiyskaya situatsiya [Social Justice: Philosophical Concepts and the Russian Situation. [Monograph. MosHU Publ., Moscow, 236 p. (In Russian).
Klementiev D. S. (2013). Istoricheskiye metamorfozy spravedlivosti v protsessakh sotsial'nogo upravleniya [Historical metamorphoses of justice in the processes of social management]. Gosudarstvennoye upravleniye v XXI veke: povestka dnya rossiyskoy vlasti: materialy 10-oy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU im. M. V. Lomonosova (29–31 maya 2012 g.) [Public administration in the 21st century: the agenda of the Russian government: materials of the 10th International Scientific Conference of the Faculty of Public Administration of M. V. Lomonosov Moscow State University (May 29–31, 2012)]. In 3 pt. Moscow, pt. 3, pp. 5–14 (In Russian).
Leontiev V. V. (1998) Pora menyat' krupnykh vorov na melkikh lavochnikov. Komsomol'skaya pravda, [It's time to change big thieves for small shopkeepers]. Komsomolskaya Pravda, no. 226, December 2, p. 69 (In Russian).
Mill J. S. (1882) Utilitarianizm. O svobode [Utilitarianism. About freedom]. Trans. from English. by A. N. Nevedomsky. Type. A. M. Kotomina, St. Petersburgh, 387 p. (In Russian).
Milkov V. V. (1986) Ilarion i drevnerusskaya mysl'. [Hilarion and ancient Russian thought]. In: Ideyno-filosofskoye naslediye Ilariona Kiyevskogo [Ideological and philosophical heritage of Hilarion of Kyiv]. In 2 pt. Rep. ed. by A. A. Bazhenova. Institute of Physics of the RAS Publ., Moscow, pt. 2, pp. 8–40. (In Russian).
Petrosyan D. S. (2007) Sotsial'naya spravedlivost' v ekonomicheskikh otnosheniyakh: institutsional'nyye aspekty [Social justice in economic relations: institutional aspects]. Voprosy ekonomiki – Questions of Economics, no. 2, pp. 59–67 (In Russian).
Plato (1994) Sobraniye sochineniy [Collected works]. In 4 vols. Trans. from ancient Greek Tot. ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi. Mysl' Publ., Moscow, vol. 4, 830 p. (In Russian).
Polyakova N. L. (2014) Teorii sotsial'nogo neravenstva v sotsiologii XX v. Transformatsiya klassiki [Theories of social inequality in the sociology of the XX century. Transformation of the classics]. Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, no. 4, pp. 19–43 (In Russian).
Pososhkov I. T. (2003) Kniga o skudosti i bogatstve [A book about poverty and wealth]. Nauka Publ., Moscow, 253 p. (In Russian).
Rogovin V. Z. (1982) Spravedlivost' kak sotsial'no-filosofskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya kategoriya [Justice as a socio-philosophical and socio-economic category]. In: Sotsial'naya spravedlivost' i puti yeye realizatsii v sotsial'noy politike [Social justice and ways of its implementation in social policy]. Moscow, pp. 8–94 (In Russian).
Rawls J. (2017) Teoriya spravedlivosti [The theory of justice]. Trans. from English. Scientific ed. and foreword. by V. V. Tselishcheva. 3rd ed. URSS, LENAND Publ., Moscow, 536 p. (In Russian).
Smith A. (1993) Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations] (Books I-III). Trans. from English. Cc. art. and comment. by E. M. Maiburda. Nauka Publ., Moscow, 572 p. (In Russian).
Smith A (1997) Teoriya nravstvennykh chuvstv [Theory of moral feelings]. Respublika Publ., Moscow, 351 p. (In Russian).
Spencer G. (1897). Spravedlivost' [Justice]. Trans. from English. Ed. by M. Filippova. A. A. Porokhovshchikov Publ., St. Petersburg, 242 p. (In Russian).
Thaler R. (2017) Novaya povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoy ekonomiki i kak na etom zarabotat' [New behavioral economics. Why do people break the rules of the traditional economy and how to make money on it]. Trans. from English by A. E. Prokhorova. Eksmo Publ., Moscow, 368 p. (In Russian).
Tatarkin A. I., Animitsa E. G. (2012) Formirovaniye paradigmal'noy teorii regional'noy ekonomiki [Formation of the paradigm theory of the regional economy]. Economy of the region, no. 3, pp. 11–21 (In Russian).
Fedorenko N.P. (2006) Gumanisticheskaya ekonomika [Humanistic economics]. Ekonomika Publ., Moscow, 188 p. (In Russian).
Hayek F. A. (1999) Poznaniye, konkurentsiya i svoboda [Knowledge, competition and freedom]. Anthology of works. Pnevma Publ., St. Petersburg, 288 p. (In Russian).
Shkaratan O. I. (2012) Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost' [Sociology of inequality. Theory and reality]. NRU HSE Publ., Moscow, 526 p. (In Russian).
Schmoller G. (2012) Spravedlivost' v narodnom khozyaystve. Razdeleniye truda [Justice in the national economy. Division of labor]. Trans. from German. Ed. 2nd. Librokom Publ., Moscow, 224 p. (In Russian).

Yunus M. (2019) Mir trekh nuley. Kak spravit'sya s nishchetoy, bezrabotitsey i zagryazneniyem okruzhayushchey sredy [The world of three zeros. How to deal with poverty, unemployment and pollution]. Trans. from English. Alpina Publisher Publ., Moscow, 275 p. (In Russian).
Agartan K. (2014). Globalization and the question of social justice. Sociology Compass, vol. 8, no. 6, pp. 903–915.
Barry B. (1995). Justice as impartiality. Oxford, 315 p.
Barry B. (1965). Political argument. Routledge and Kegan Paul Publ., London, 364 p.
Fleischacker S. (2004). A short history of distributive justice. Harvard University Press, Cambridge, 190 p.
Gauthier D. P. (1963). Practical reasoning. Clarendon Press, Oxford.
Hart H. L. A. (1961). The concept of law. Clarendon Press, Oxford, 315 p.
Jackson B. (2005). The conceptual history of social justice. Political Studies Review. vol. 3, pp. 356–373.
Kitching G. N. (2001). Seeking social justice through globalization: escaping a nationalist perspective. University park, Pa, Pennsylvania State University Press, 339 p.
Lucas J. R. (1966). The principles of politics. The Clarendon Press, Oxford. pp. 1–10
Rawls J. (1971). A theory of justice. Belknap Press, 560 p.

Информация об авторах

Анимица Евгений Георгиевич
Доктор географических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, главный советник при ректорате. Уральский государственный экономический университет (620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45). E-mail: animieg@usue.ru

Чернышев Константин Валериевич
Аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления. Уральский государственный экономический университет (620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45).

Author`s information

Evgeniy G. Animitsa
Dr. Sc. (Geography), Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Chief Advisor to the Rectorate. Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnaya Volya St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation). E-mail: animieg@usue.ru

Konstantin V. Chernyshev
Postgraduate student of the department of regional, municipal economics and management. Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnaya Volya St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation).